

## МАГНЕТИЗМ И ЛУННЫЙ СВЕТ

Целый день стояла изнуряющая жара. Мы с Ником, как карлы под палящими лучами, прокладывали магнитный профиль. После геологической практики надо было ходить по своему участку с геофизическими приборами. Электроразведку мы удачно проскочили в составе большой группы из десяти человек, а вот магнитку пришлось делать вдвоем. И еще я поспорил с Владом на три литра вина, что мы с Ником сделаем профиль за один день. Вот и спешили теперь, чтобы к шести вечера все закончить.

– Может, прибор барахлит? – Ник внимательно осмотрел магнитометр. Слишком высокие значения магнитного поля на последних трех пикетах.

– С чего ты взял, что большие значения? Может как раз нормальные?

– Нет, большие! Я вчера у Жени Говорова смотрел профиль по соседнему планшету, так у них цифры раза в три меньше.

– А может, там внизу под нами какие-нибудь сильно магнитные породы, например диабазы?

– Может и диабазы, – нехотя согласился Ник.

На последней точке значения магнитного поля были такие высокие, что мы переделывали их три раза, но прибор работал стабильно, и цифры получались одинаковые.

На миллиметровке вычертили график профиля и помчались в камералку, благо наш последний пикет находился почти у самых палаток.

– Почему изменили масштаб? – руководитель геофизической практики любовно погладил свою мефистофельскую бородку.

– Так значения же... большие... – начал я оправдываться, но доцент перебил меня:

– Нет на профиле таких значений, идите и все переделайте!

– А может, там внизу какие-нибудь сильно магнитные породы? Например, диабазы? – возразил я, но доцент на меня даже не взглянул.

Мы отправились переделывать четыре пикета. Цифры опять получились такие же, прямо как у лилипутов: тютелька в тютельку.

– А может, немного уменьшим значения? – осторожно предложил я Нику. – Раз в три. А?

Ник так взглянул на меня – словно шашкой рубанул. Я поспешил отработать назад.

– Извини, погорячился. Ну, в два?

Ник не ответил.

Мы вернулись в камералку и застали отобедавшего доцента в добром расположении духа.

– Ну, как? – с усмешкой спросил он.

Вид сытого человека, когда сам с утра голодный, мог вывести из себя кого хочешь. Язык у меня так и вертелся что-нибудь ляпнуть в ответ, но я слегка его прикусил.

– Вот график, – я протянул доценту миллиметровку, – значения такие же, как и были.

– Чепуха! – рассердился доцент.

– А вдруг там внизу магнитные диабазы?

– Нет там никаких диабазов! – разозлился доцент. – Здесь уже делали профиль.

– Может недавно внедрились? – по инерции возразил я, уже понимая, что говорю глупость.

– Когда, вчера? Географы делали профиль три дня назад.

– Последние четыре точки мы измеряли по три раза и значения все равно получались высокие. – Ник стал немного заикаться от обиды и волнения, – переделаем и снова получим те же цифры.

– Может вместе сходим? – предложил я доценту. – Наш последний пикет совсем недалеко?

– Ладно, пошли. Прогуляемся после обеда, – без большой охоты согласился доцент.

«Кто после обеда, а кто и вместо», – подумал я с легкой завистью.

Доцент шел как на настоящей прогулке и даже что-то насвистывал. А я с тоской оборачивался на столовую, которая заканчивала свою работу, и гадал, сообразят ли ребята принести нам что-нибудь поесть.

На пикете я установил магнитометр по отвесу точно над колышком и подумал: «Сейчас увидите, что мы работали нормально, только от обеда зря оторвали. А я сразу говорил, что здесь магнитные диабазы, которые географы пропустили».

Ник настроил прибор, снял отсчет. По его неожиданно покрасневшим ушам стало ясно, что наше дело табак.

– Ну? – требовательно спросил доцент.

Ник посмотрел на него как нашкодивший кот, которого застукали у крынки со сметаной, и, заикаясь, промямлил:

– М... м... меньше почти в три раза!

Доцент посмотрел в окуляр прибора, удовлетворенно крикнул и, довольный собой, зашагал по тропинке в лагерь.

Ник, опустив руки, виновато смотрел на меня, но я не стал ничего говорить. Мы быстро переделали четыре пикета. На всех точках, как в сказке, значения уменьшились больше чем в три раза! Ник чуть не плакал от досады и в десятый раз пытался объяснить мне, что раньше все было по-другому. Как будто это что-нибудь меняло.

Вычертили новый график. Доцент, сравнив его со своим контрольным графиком, остался доволен и даже не стал зудеть, как обычно любят делать некоторые преподаватели: «Вот... я же вам говорил, а вы...».

Мы вернулись к нашей палатке. Над ее входом прямо на брезенте крупными буквами было написано «Тарабхане». В переводе с персидского это слово означало «дом радости» – благословенный приют, где человек может отрешиться от забот и тяжких дум за чашей вина. Так назывался сборник рубаи Омара Хайяма, изданный в 14 веке в Тегеране.

На брезентовой двери была прикреплена фанерная крышка от посылочного ящика, на которой начертаны рубаи Омара Хайяма:

«Спросил у чаши я, прильнув губами к ней:

«Куда ведет меня череда ночей и дней?»

Не отрывая уст, ответила мне чаша:

«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!».

В палатке мы застали одного Абрашу, который сообщил, что все ребята ушли в колхозный сад воровать черешню. На столе я заметил трехлитровую банку с вином и две миски с картофельным пюре и сардельками.

– Это я принес, – пояснил нам Абраша про миски, – а вино Влад. Сказал что проспори́л.

Около банки выразительно стояла Абрашина алюминиевая кружка, и мы поняли, что он нас давно ждет.

Выпили за удачу. Половину банки оставили ребятам.

– Влад рылся в земле около вашего последнего пикета, – сообщил Абраша, с тоской глядя на остатки вина в банке

И тут вдруг мне все стало ясно. Я поделился своей догадкой и объяснил, что Влад на последних четырех пикетах запрятал под колышки кусочки магнита, отсюда – такие большие значения магнитного поля. А чтобы не догадался доцент, он перед нашим приходом вытащил кусочки из лунок при помощи другого магнита.

– Ерунда все это, – заявил Ник, – где доказательства?

– Пошли к Владу, будут и доказательства.

По дороге я попросил Абрашу наплевист Владу, что его вчера ночью видели на крыше камералки, когда он в ярком лунном свете с чайником в руке шел по самому коньку. Пока Абраша рассказывал Владу про крышу, и очень натурально расставив руки и закрыв глаза показывал, как тот ходил и все такое, мы с Ником зашли сзади. Я достал геологический компас, и его стрелка показала нам, что магнит все еще находится у Влада в заднем кармане брюк. Крыть Нику было нечем!

Мы вернулись в палатку, и я изложил ребятам свой план. По правде говоря, Влад не был настоящим лунатиком. Во всяком случае ночью с кровати не вставал и по карнизам не ходил. Но еще на топографической практике в Саблино ребята заметили, что во сне Влад садился в кровати и с закрытыми глазами что-то бормотал. Однажды я был свидетелем того, как геофизики отправляли Влада в космический полет на Марс. Когда он во сне сел на кровати, к нему подошел Саша Мейер и голосом Левитана объявил:

«Владислав Сеницын! Партия и правительство решили отправить тебя в космический полет на планету Марс! Готов ли ты выполнить высокое задание Родины?»

Влад замер и решительно кивнул головой.

«Внимание, Байконур! – торжественно рокотал Саня. – Ключ на старт! Зажигание! Отсчет! Пять, четыре, три, два, один. Старт!»

В этот момент четверо ребят резко встряхнули железную койку, и Влад от перегрузки упал на подушку. Саня продолжал молотить всякую чепуху типа: «Двадцать секунд – полет нормальный...», а после объявления посадки ребята приподняли койку и бросили. Влад проснулся, вскочил и испуганно уставился на ребят. Но все безмятежно играли в преферанс.

На крымской практике Влад спал на единственной в лагере железной кровати. Когда полная луна осветила мир призрачным светом, мы шестером пришли к Владу в палатку. Он во сне разметался поверх одеяла, но еще не храпел.

Ребята окружили кровать, и прежде чем скомандовать подъем, я на всякий случай тихо спросил:

– Владик! Ты спишь?

Влад неожиданно открыл глаза, так что я отшатнулся.

– Нет. А что? – тихо ответил он и посмотрел на ребят, уже взявшихся за спинки кровати.

– Нет, ничего, спи, – также тихо ответил я, и Влад послушно закрыл глаза.

Мы дождались, когда он уснет по-настоящему с храпом, осторожно подняли койку и, сопровождаемые громкими трелями крымских цикад, понесли кровать вниз к ручью.

Вода мелодично журчала на камнях, и капельки брызг сияли в сказочном лунном свете как бриллианты. Кровать поставили в ручей. Обрадованные цикады затрещали с новой силой.

Я даже позавидовал Владу. Как это романтично, в такую лунную ночь спать прямо посередине запруды. «Все-таки, Геология и Романтика – родные сестры», – подумалось мне.

Утром, когда студенты с молотками и приборами шли в маршрут, то встретили Влада, проспавшего завтрак. Он, как Сизиф, на собственном горбу тащил в гору железную койку.

Вечером в камералке Влад жаловался мне:

– Не мог я сам вынести кровать, не мог. Ноги у меня были сухие.

– Высохли за ночь, – предположил я.

– Да, но грязь на них должна была остаться?

– Может, ты ноги в ручье сполоснул, когда ложишься?

– А следы? Где следы моих ног?

– Что ты ко мне привязался, – не выдержал я, – если не ты вынес кровать, то и оставил бы ее в ручье.

– Да, а завхоз скажет: «Вы, лунатики, кровати по всей округе растаскиваете, а я потом обратно заноси?» И спать не на чем, – вздохнул Влад. – Только у меня ощущение, что не зря ты мне сегодня ночью приснился.

«Ох, не зря!» – мысленно согласился с Владом мой второй внутренний голос.